

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ/GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.165.24>**РЕЛИГИОЗНОСТЬ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Научная статья

Гаджимурадова З.М.¹, Курбанова Ж.Т.²*^{1,2} Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (janna865[at]me.com)

Аннотация

В статье обсуждаются результаты лонгитюдного исследования религиозного самосознания студенческой молодежи Дагестана. Идея исследования состояла в выявлении особенностей религиозности молодежи в условиях борьбы сторонников традиционного и ортодоксального ислама, разделивших население Дагестана на два религиозных лагеря. Такое состояние социальной ситуации актуализирует существующие угрозы национальной безопасности в виде агрессивной религиозной активности в регионе и в стране в целом. Дагестан исторически выполняет функции естественного военно-оборонительного рубежа и обеспечивает военную безопасность российского государства. В процессе исследования выявлены молодые люди агрессивной активности, что ставит перед обществом в целом вопрос о воспитании культуры религиозного самосознания личности как обучающихся, так и преподавателей высшей и средней школы.

Ключевые слова: религиозность, «религиозный бум», ваххабизм, здоровая религия, «токсичная» религия, хиджаб, никаб.

RELIGIOUSNESS OF DAGESTAN YOUTH: MYTHS AND REALITY

Research article

Gadzhimuradova Z.M.¹, Kurbanova Z.T.²*^{1,2} Dagestan State Pedagogical University named after Rasul Gamzatov, Makhachkala, Russian Federation

* Corresponding author (janna865[at]me.com)

Abstract

The article discusses the results of a longitudinal study of religious self-awareness among young students in Dagestan. The idea behind the research was to identify the characteristics of religiosity among youth in the context of the struggle between supporters of traditional and orthodox Islam, which has divided the population of Dagestan into two religious camps. This social situation highlights existing threats to national security in the form of aggressive religious activity in the region and in the country as a whole. Dagestan has historically served as a natural military defence line and ensured the military security of the Russian state. The study identified young people engaged in aggressive activity, which raises the question for society as a whole of fostering a culture of religious self-awareness among both students and teachers in higher and secondary education.

Keywords: religiousness, "religious boom", Wahhabism, healthy religion, "toxic" religion, hijab, niqab.

Введение

Исследование религиозности дагестанской молодежи обусловлено социальным заказом. Геополитические процессы, происходящие во всем мире с середины прошлого века, перешли в качественно новую, угрожающую безопасности всего человечества стадию. В поисках защищенности от деструктивных воздействий глобализационных процессов люди стали искать новые возможности полноценного физического, духовного и психического развития. Одним из важнейших факторов, который способен удовлетворить насущные потребности личности в безопасности, в компенсации внутренней пустоты, в социальном контроле, по мнению ученых-религиоведов и самих верующих, является религия. Религия, по мнению У.Джеймса, выполняет терапевтическую функцию, в психологическом аспекте благоприятно влияющую на психику человека. Религиозная вера придает человеку сильный жизненный импульс, служащий его душевному равновесию, а также спасению от отчаяния [1, С. 53–55].

Словом, рост религиозности в структуре самосознания молодежи обусловлен не только ее компенсаторной функцией, которая дает надежную защиту от разрушительных тенденций (депрессия, отчаяние, агрессия, тревога и др.) современной жизни, но и функциональным значением самой религии для личности.

К настоящему времени в науке нет однозначного определения феномена «религиозность». Религиозность интерпретируется как индивидуальный [2], так и как социальный феномен [3], как критерий здоровой личности [4]; как «подлинная» естественная религиозность, изначально присущая всем людям на Земле [5]; и как индикатор невроза [6, С. 4–5].

Основная часть

Начало XX века в России и в истории русской философии отмечено обращением к Богу, активным изучением и умственным постижением всех сфер жизнедеятельности человека через призму религиозных воззрений. Данный период назван в России «эпохой религиозного возрождения». Философские исследования принимают антропологический характер. Единство разума, чувства, воли и совести известный философ И.А. Ильин считал основной идеей восточного христианства. Самым важным в православии, в его представлении, является возможность

достучаться до человеческого сердца и возвысить его. Созерцание и осмысление, поощрение добра и сдерживание зла включаются в характер личности и ведут к духовному возвышению и очищению на пути к Богу [7, С. 255–260].

Философия В.С. Соловьева основана на убеждении, что благо — в целостности, а зло — в раздробленности. Бог, по мнению В.С. Соловьева, — это абсолютная ценность, он неделим, к этому идеалу стремится человечество и весь мир, а суть содержания религиозного сознания состоит в сочетании религиозного опыта и религиозного мышления [8, С. 34–36].

Н.О. Лосский, в свою очередь, считал, что «Бог есть само Добро...Он есть сама истина, сама красота, нравственное добро, жизнь и любовь» [9, С.220–222].

Очевидно, что решение религиозно-философской проблемы русские философы искали во внутренне-личностном религиозном опыте.

Сегодня понятие религиозности все чаще связывается с ее внешним выражением, религиозным поведением через систему взаимоотношений человека с Богом и с обществом. При этом религиозная личность всякий раз утверждает свои отношения с высшими силами через социальное поведение [10]. По всей вероятности, здесь важнейшей функцией религиозности является социализация личности, ее приобщение к общественным нравам, установкам, национальным традициям и обычаям. Эффективности выживания личности в обществе также способствуют моральная, гигиеническая, регулятивно-нормативная и мировоззренческая функции. И, наконец, функция сплочения и упорядочивания социальной группы через выстраивание иерархии внутри нее.

В нашем представлении, религиозность можно понимать как сложный социально-психологический феномен переживания индивидом своей направленности на выстраивание ценностных отношений с Всевышним, отражающихся в личных чувствах и в поведении.

При этом мы согласны с мнением В. Франкла о том, что подлинная здоровая религиозность, исключая всякое принуждение, всегда берет свое начало внутри личности, являясь собственным индивидуальным опытом, а не подражанием общепринятым догмам и ритуалам [4].

Мы также принимаем идею А. Маслоу о том, что подлинные вершинные переживания доступны только тому, кто воспринимает мир глубже и целостнее, часто переживает печаль и особое самоощущение [11].

Исследователи С.Артберн, Дж. Фелтони, работая в русле идей В. Франкла, также считают, что религия способствует самостоянию личности, но при этом они подчеркивают, что это характерно для *здоровой веры*, которую ученые решительно отделяют от «токсичной», словами авторов, нездоровой веры. Они описывают такие характеристики приверженцев нездоровой агрессивной веры как *утверждение особого положения верующих, авторитарность, позиция: «Мы — против всех»; неадекватное сверхусердие в служении, отрицательные физические и эмоциональные последствия для личности; закрытость коммуникации; особые правила одежды и поведения* [12].

Исследование религиозности дагестанской молодежи проводилось нами с учетом этих характеристик, которые мы учли при анализе полученных данных.

Основная идея нашего исследования, которое проводилось в 2020–2025 г.г., состояла в выявлении степени и особенностей религиозности современной студенческой молодежи Дагестана. В нашем исследовании мы непосредственно ориентировались на теоретическое толкование факторов, определяющих целостное развитие личности, сформированное отечественными учеными, согласно которому социальные условия могут либо содействовать физическому, психическому и личностному развитию, либо депривировать возможности полноценного развития личности [13].

В Дагестане с VII века нашей эры со времен нашествия воинствующих арабов на Кавказ во главе с Масудом (последователем идей пророка Мухамеда) активно исповедуют ислам суннитского толка [14].

Сегодня ученые отмечают «религиозный бум» в среде дагестанской молодежи. Истоки этого явления ведут к событиям прошлого века. Начиная с 90-х годов XIX столетия в условиях глобализирующегося мира, молодежь стала проявлять особый интерес к исламу. Тысячи молодых людей стали уезжать в страны Востока (Сирия, Турция, Йемен, Саудовская Аравия и др.), где они активно изучали присущую этим странам религиозную грамоту. Содержание их учебных программ были неизвестны нашим религиозным деятелям. Вернулись эти молодые люди с новыми религиозными идеями, ценностями и ценностными ориентациями, чуждыми для традиционной веры дагестанского общества. Они облачились в подчеркнуто религиозную (арабскую) одежду преимущественно черного или темного цвета (хиджабы, никабы и пр.), мужчины отпустили бороды и стали носить брюки особого кроя по щиколотку. Посещение мечети особенно во время пятничного намаза стало священным долгом для всей мужской половины дагестанского общества. Появились мечети, в которых велись проповеди, свойственные последователям Ваххаба. Наступил раскол в стане верующих мусульман Дагестана [15, С. 5–11].

В начале 1990-х годов в Дагестане проявилась ярко выраженная тенденция к религиозно-политическому экстремизму — новое для региона фундаменталистское течение ислама, отличающееся крайними формами отрицания общепринятых исламских ценностей и святынь. Новых мусульман, сторонников этого направления стали называть «ваххабитами» (сами себя они называют салафитами) [16, С. 19–91].

Ваххабизм — религиозно-политическое течение в сунитском исламе, возникшее в Аравии в середине XVIII века на основе учения Мухамеда Бен Абдул-Ваххаба, согласно учению которого необходимо очищение ислама, возврат к его начальным установлениям путем отказа от «бид'а», культа святых [17, С. 51]. Это крайняя форма единства принципа единобожия, призывающая к «джихаду» против многобожников и мусульман, отступивших от раннего ислама.

Именно к ваххабизму с начала 1990-х гг. пришла роль гонимого и преследуемого неофициально («нетрадиционного») ислама, исповедующего принцип: в вопросах поклонения Аллаху (ибадат) допустимо только то, что установлено в Коране и Сунне, все остальное является отклонением от ислама. В социальной практике (муамалат) разрешено все, что не запрещено Кораном и Сунной [18, С. 167].

В проведенном социально-психологическом исследовании З.М. Гаджимурадовой и Ж.Т. Курбановой было опрошено 400 студентов различных факультетов Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова, Дагестанского государственного университета.

Научный инструментарий: включенное наблюдение, анкета (шкала Лайкерта), беседа, эссе.

Методы математической обработки фактического материала: контент-анализ; количественный анализ с использованием коэффициента Кронбаха; качественный анализ.

В исследовании была использована анкета, включающая в себя шкалы, каждая из которых состоит из 20 дескрипторов. На первом этапе была использована I шкала анкеты для определения религиозности студентов вообще. В качестве исходных использовались вопросы из методики Ш. Хубера, О.В. Хубера, адаптированные к дагестанской выборке, часть вопросов авторская [19, С. 144–171]. Ответы на вопросы фиксируются по шкале Лайкерта. Каждому дескриптору приписывается оценка от 1 до 5 прямо в зависимости от ответа на бланке (от 1 — абсолютно не согласен и... до 5 — абсолютно согласен). Коэффициент Кронбаха по обоим шкалам соответственно 0,88 и 0,84.

Студенты отвечали на вопросы:

1. Для меня религия — это основа поведения и решений в жизни.
2. Я вполне доверяю своему духовенству.
3. Я полностью разделяю принципы своей религии.
4. Я верю во Всевышнего, управляющего судьбой человека.
5. Религия придает мне уверенности в себе.
6. Я считаю себя религиозным человеком.
7. Я регулярно участвую в религиозных праздниках и обрядах.
8. Считаю важным для себя совершать намаз.
9. Для меня религия — это духовное утешение в горестях.
10. Для меня религия — основа поведения и решений в жизни и др.

Исследование выявило: среди общего массива (N=400) обследованных студентов 363 человека признали себя верующими мусульманами, что, собственно, явилось фактом их осмысленного выбора статуса религиозного человека.

На втором этапе использовалась анкета, в которую вошли вопросы и утверждения, направленные на выявление степени религиозности верующей молодежи (N=363):

1. Для меня люди моей веры — это «свои», а все остальные — «чужие».
2. Мне часто хочется отгородиться от современного греховного мира».
3. Я смог(ла) бы уйти подальше от людей и жить по правилам Всевышнего.
4. Я верю во Всевышнего, управляющего судьбой человека.
5. Я готов(а) активно защищать свою веру, если она будет оскорблена.
6. Я участвую во всех религиозных праздниках и обрядах» и т.д.

Анализ результатов исследования позволил получить следующие фактические данные:

1. Из 400 респондентов 363 (90,8% от N=400) человека позиционируют себя как верующих мусульман; 37 человек (9,2% от N=400) проявили индифферентность к вопросу религии.

2. Из всего исследованного массива верующих 306 студентов (84,3% от N=363) — это верующие мусульмане *среднего уровня религиозности*: частично выполняют ритуальные предписания религии, участвуют в религиозных праздниках и обрядах, однако только 52% (N=363) опрошенных исполняют религиозные ритуалы (посещают мечеть, соблюдают пост, делают намаз). При этом 1,9% опрошенных считают, что нормы шариата выше законов государства; 2,7% из них обратились бы в шариатский суд при нарушении своих законных прав.

3. Среди верующих студентов 57 человек, из них 27 девушек и 30 юношей (15,7% от N=363), проявили высокий уровень религиозности: совершают ежедневную пятикратную молитву, обязательно участвуют в пятничном намазе, изучают Коран, знают наизусть некоторые Суры, веруют и соблюдают религиозные обряды, обязательно соблюдают пост в месяц Рамазан, носят и признают только религиозную одежду, активно защищают свою веру, если, по их мнению, она оскорблена, осуждают поведение, противоречащее религиозным заповедям, не станут создавать семью с человеком других взглядов на религию, стремятся безоговорочно соблюдать все заповеди Всевышнего. Молитва для них — это смысл жизни, свои личные проблемы считают возможным решать только по шариату (свод мусульманских религиозных, юридических, бытовых правил, основанных на Коране).

Вообще в мусульманском мышлении дагестанцев ислам не только религия и признание его ортодоксальной догматики. Для своих последователей ислам больше чем религия. Ислам, как и всякая религия, есть общая теория этого мира, основа мусульманского образа жизни, морального кодекса в популярной форме [17, С. 160–170].

Отдельно были обследованы 17 девушек из числа верующих с высоким уровнем религиозности. Они одеты в особую, отличную от всех других одежду черного или темного цвета (хиджабы) с закрытыми лицами (никабы). Их в быту называют «закрытыми». Их высказывания отличаются от всех других тем, что они не только «признают только религиозную одежду», но и считают, что «люди их веры не такие же точно, как люди другой веры», для них «существуют четкие границы между «своими» и «чужими», не разделяющими их веры. Считают, что «любовь Всевышнего нужно заслужить», «все события, которые происходят вокруг них, это борьба между Аллахом и Шайтаном, между темными и светлыми силами», они «гордятся тем, что являются мусульманками» и считают, что «за неправильное поведение Аллах накажет их». Уверены, что «мир, лежащий во грехе, необходимо защищать», «любовь к Богу они активно и ярко показывают тем, кто находится рядом».

На вопрос: «Почему Вы носите эту одежду?» и «Что для Вас значит Ваша одежда?», — ответы были самые разнообразные и не дали четкого представления о причинах их облачения в черные одежды: «Одеваюсь по религии», «Я мусульманка и мне нравится так одеваться», «С 10 лет я ношу мусульманскую одежду по велению отца», «Моя одежда защищает меня от внешнего мира. Мне в ней уютно и спокойно», «Я ношу хиджаб и никаб — мне нравится,

другие же делают пирсинг и носят короткую одежду», «Религиозная девушка одевает скромную и аккуратную одежду, которая подчеркивает ее духовность», «Моя одежда мусульманки на людях должна быть закрытой, а голова покрытой, чтобы показать свою преданность Всевышнему и получить его милость», «Религиозная девушка в религиозной одежде – не означает, что она идеальная. Она лишь старается получить довольство Господа».

Разброс мнений выявил несформированность какой-либо общей позиции. Очень часто эти высказывания не имеют каких-либо моральных или религиозных обоснований. Здесь подтверждаются выводы, ранее полученные в исследовании А.Ч. Чупановой о том, что в религии дагестанскую молодежь привлекают, прежде всего, определенные мировоззренческие ценности религии, а не религиозное мировоззрение в целом. В массовом увлечении религией есть и оттенки моды, культура, традиции, обязанности [20, С. 117–118].

Как нам представляется, причины нетрадиционных религиозных движений — это ответ на кризис традиционных ценностей, на социальные изменения, которые произошли в глобализирующемся мире. Произошла утрата доверия к официальному исламу из-за его неспособности отвечать на духовные запросы современного человека. Одиночество, неопределенность в условиях глобализации вызвали потребность в общине, где они могли бы получить психологическую поддержку и ответы на экзистенциальные вопросы: «Кто Я?», «В чем Я вижу смысл моей жизни?».

В высказываниях исследованных нами молодых людей мы находим некоторые элементы фанатического религиозного мировоззрения, которые описал М.Я. Яхьяев в своих исследованиях [21, С. 50–60]:

1. Разделение всех людей на правверных, достойных спасения и неправверных, недостойных спасения.
2. Акцент на том, что в мире господствуют темные силы.
3. Обязательное для всех последователей вероучение — исправлять порчу видимого мира.
4. Представление о том, что любовь Бога не дана человеку изначально — ее следует заслужить.

В контексте поведения М.Я. Яхьяев выделяет два типа фанатизма: экстравертный и интровертный. Экстравертный выражается в террористических действиях. Интровертный фанатизм представляет собой попытку построения идеально мира или общины, изолированной от социума.

В нашем случае наблюдается выраженный интровертный тип фанатизма у 11,4% (от N=57) респондентов, который может проявиться в попытке построения идеального исламского мира, включающего в него людей только их веры, и признающие только их ценности и нормы поведения.

Заключение

Проведенное психологическое исследование особенностей религиозности дагестанской молодежи позволило сформулировать следующие *выводы*:

1. В иерархии самосознания современной дагестанской молодежи религиозный фактор продолжает занимать доминирующее положение. Почти абсолютное большинство (90,8% от N=400) из числа обследованных респондентов позиционируют себя как религиозных мусульман, хотя большинство из них не вполне являются таковыми. Остальные 9,2% проявили индифферентность к религии вообще. Соответственно уровень религиозности достаточно высокий.

2. Среди верующих студентов 11,4% (от N=57) (6,4% девушек и 5% юношей) проявили агрессивную активность и элементы интровертного религиозного фанатизма, как результат влияние радикальных восточных течений ислама на сензитивное самосознание молодых людей.

3. Обнаружена несформированность культуры и грамоты религиозного самосознания, которое характеризуется крайним конформизмом и эклектизмом.

4. В сложившейся ситуации отсутствие религиозной культуры и грамотности у родителей и значимых взрослых, которые занимаются воспитанием детей, подростков и молодежи, может способствовать развитию нездоровой религиозной идентичности.

Конструктивное решение при констатации подобных проблем морального и религиозного характера, как нам представляется, предполагает принятие широкой системы мер по развитию и коррекции духовно обусловленной религиозной нравственности с помощью системы образования (детский сад, школа, вуз) путем мягкого и ненавязчивого «возвращения» здоровых, нравственных ориентиров в самосознании наших сограждан (преподавателей, родителей, обучающихся).

Полагаем, что развитие здорового религиозного сознания может быть эффективным и весьма продуктивным, если его проводить в процессе учебной и воспитательной работы с применением таких активных методов как формирующий эксперимент, социально-психологический тренинг, квесты, открытые занятия с приглашением образованных и грамотных имамов, известных религиозных деятелей. Общение с духовными лицами способствует развенчанию истинных целей и задач сторонников агрессивных религиозных движений и их агентов.

Так, например, вечером 29 октября 2023 года местная молодежь собралась в аэропорту, чтобы выразить протест против приезда евреев, прибывающих в Махачкалу на регулярном рейсе Red Wings WZ 4728 из Тель-Авива. Митингующие смогли захватить здание аэропорта, выйти на лётное поле и окружить автобус с пассажирами. Всего на борту находилось около 50 человек, в большинстве женщины с детьми. Аэропорт оценил нанесенный ущерб в 285 млн.руб.

Следствие установило, что 29 октября 2023 года иноагенты Илья Пономарев, Абакар Абакаров и Исраил Ахмеднабиев в Telegram размещали в общем доступе публикации, направленные на возбуждение у жителей Дагестана ненависти и вражды к гражданам Израиля. Жителей региона призывали к массовым беспорядкам, перекрытию дорог в районе международного аэропорта Уйташ в Махачкале. Также публиковалась информация о сборе средств на финансирование экстремистской деятельности.

Согласно данным МВД Дагестана, в беспорядках в аэропорту Махачкалы приняли участие около 1200 человек. По итогам произошедшего были возбуждены более сотни уголовных дел. К середине 2025 года за участие в беспорядках были осуждены 135 человек, получивших сроки лишения свободы от 6,5 до 15 лет (РИА Новости от 30.10.2023г).

Полученные результаты имеют практическую значимость. Фактический материал исследования может быть полезным при проведении диспутов, «круглых столов» и встреч с молодежью на темы религии и религиозного поведения.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Флоренкова И.Ю. Религиозное обращение как религиозедческий феномен (в контексте мировоззрения Уильяма Джеймса): дис. ... канд. филос. наук / Флоренкова Ирина Юрьевна. — Москва, 2024. — С.53–55.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Статья по семиотике и топологии культуры / Ю.М. Лотман. — Таллин: Александра, 1992. — Т. 1. — 247 с.
3. Угринович Д.М. Введение в религоведение / Д.М. Угринович. — Москва: Мысль, 1985. — 272 с.
4. Франкл В. Основы логотерапии. Психология и религия / В. Франкл. — Санкт-Петербург: Речь, 2000. — 2000 с.
5. Фромм Э. Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. — Санкт-Петербург: Питер, 2002. — 544 с.
6. Фрейд З. Навязчивые действия и религиозные обряды / З. Фрейд // Психоаналитический вестник. — 2001. — № 9. — С. 4–5.
7. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. — Минск: Изд-во Белорусской Православной Церкви, 2006. — С. 255–260.
8. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев // Соловьев В.С. Сочинение в двух томах. — Москва: Правда, 1989. — Т. 2. — С. 34–36.
9. Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. — Москва: Республика, 1994. — С. 220–222.
10. Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности / А.М. Двойнин. — Санкт-Петербург: Речь, 2012. — 224 с.
11. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. Религии, ценности и пик-переживания. Серия: Психологическая коллекция / А. Маслоу. — Москва: Эксмо-Пресс, 2002. — 272 с.
12. Arterburn S. Experiencing Healing from Painful Spiritual Abuse / S.Arterburn, J. Felton. — Colorado Springs: WaterBrook Press, 2005. — 269 p.
13. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность / В.С. Мухина. — Москва: Национальный книжный центр, 2017. — 1088 с.
14. Гаджимурадова З.М. Религиозное самосознание народов Дагестана: история и современность Религиозное сознание обучающейся молодежи современной России. Монография / З.М. Гаджимурадова, Ж.Т. Курбанова; под ред. А.А. Хвостова. — Москва: Перо, 2025. — С. 37–54.
15. Гаджимурадова З.М. Религиозное самосознание молодежи Северного Кавказа в условиях современных социально-политических процессов (на материале исследования студенческой молодежи Дагестана и Чечни) / З.М. Гаджимурадова, Ж.Т. Курбанова, Ш.Г. Шабанова // Известия ДГПУ серия «Психолого-педагогические науки». — 2018. — Т. 12. — № 1. — С. 5–11.
16. Бобровников В.О. «Ваххабиты» Северного Кавказа//Ислам на территории бывшей Российской Империи: Энциклопедический словарь / В.О. Бобровников, А.А. Ярлыкапов; сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. — Москва: Восточная литература, 1998. — С. 19–91.
17. Ислам. Энциклопедический словарь. — Москва: Наука, 1991. — С. 51, 160–170.
18. Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе / Р.Г. Гаджиев. — Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2002. — С. 167.
19. Хубер Ш. Шкала центральности религиозности (CRS) / Ш. Хубер, О.В. Хубер // Социология: методология, методы, математическое моделирование. — 2018. — № 47. — С. 144–171.
20. Чупанова А.Ч. Правосознание молодежи: теоретико-региональный аспект (на материалах Республики Дагестан): дисс. ... канд. юр. наук / Чупанова Анжела Чупановна. — Махачкала, 2005. — С. 117–118.
21. Яхьяев М.Я. Фанатизм и ислам / М.Я. Яхьяев. — Махачкала: Лотос, 2010. — 128 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Florenkova I.Yu. Religioznoe obrashchenie kak religovedcheskii fenomen (v kontekste mirovozzreniya Uilyama Dzheimsa) [Religious conversion as a religious studies phenomenon (in the context of William James' worldview)]: diss. ... PhD in Philology / Frolenkova Irina Yurevna. — Moscow, 2024. — P.53–55. [in Russian]
2. Lotman Yu.M. Izbrannie stati v trekh tomakh. Statya po semiotike i topologii kulturi [Selected articles in three volumes. Article on semiotics and topology of culture] / Yu.M. Lotman. — Tallin: Aleksandra, 1992. — Vol. 1. — 247 p. [in Russian]
3. Ugrinovich D.M. Vvedenie v religovedenie [Introduction to Religious Studies] / D.M. Ugrinovich. — Moscow: Misl, 1985. — 272 p. [in Russian]

4. Frankl V. Osnovi logoterapii. Psikhologiya i religiya [The Fundamentals of Logotherapy: Psychology and Religion] / V. Frankl. — St.Petersburg: Rech, 2000. — 2000 p. [in Russian]
5. Fromm E. Gumanisticheskiy psikhoanaliz [Humanistic psychoanalysis] / E. Fromm. — St.Petersburg: Piter, 2002. — 544 p. [in Russian]
6. Freid Z. Navyazchivie deistviya i religioznie obryadi [Compulsive actions and religious rituals] / Z. Freid // Psikhoanaliticheskiy vestnik [Psychoanalytic Bulletin]. — 2001. — № 9. — P. 4–5. [in Russian]
7. Ilin I.A. Aksiomi religioznogo opita [Axioms of Religious Experience] / I.A. Ilin. — Minsk: Publishing House of the Belarusian Orthodox Church, 2006. — P. 255–260. [in Russian]
8. Solovev V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings on the Divine Humanity] / V.S. Solovev // Solovev V.S. Sochinenie v dvukh tomakh [Solovyov V.S. Works in Two Volumes]. — Moscow: Pravda, 1989. — Vol. 2. — P. 34–36. [in Russian]
9. Losskii N.O. Bog i mirovoe zlo [God and worldly evil] / N.O. Losskii. — Moscow: Respublika, 1994. — P. 220–222. [in Russian]
10. Dvoinin A.M. Psikhologiya veruyushchego: Tsennostno-smislovie orientatsii i religioznaya vera lichnosti [The Psychology of the Believer: Value-Meaning Orientations and Religious Faith of the Individual] / A.M. Dvoinin. — St.Petersburg: Rech, 2012. — 224 p. [in Russian]
11. Maslou A. Po napravleniyu k psikhologii bitiya. Religii, tsennosti i pik-perezhivaniya. Seriya: Psikhologicheskaya kolleksiya [Towards the psychology of being. Religions, values and peak experiences. Series: Psychological Collection] / A. Maslou. — Moscow: Eksmo-Press, 2002. — 272 p. [in Russian]
12. Arterburn S. Experiencing Healing from Painful Spiritual Abuse / S.Arterburn, J. Felton. — Colorado Springs: WaterBrook Press, 2005. — 269 p.
13. Mukhina V.S. Lichnost: Mifi i Realnost [Personality: Myths and Reality] / V.S. Mukhina. — Moscow: National Book Centre, 2017. — 1088 p. [in Russian]
14. Gadzhimuradova Z.M. Religioznoe samosoznanie narodov Dagestana: istoriya i sovremennost Religioznoe soznanie obuchayushchisya molodezhi sovremennoi Rosii. Monografiya [Religious self-awareness of the peoples of Dagestan: history and modernity Religious consciousness of young people studying in modern Russia. Monograph] / Z.M. Gadzhimuradova, Zh.T. Kurbanova; ed. by A.A. Khvostov. — Moscow: Pero, 2025. — P. 37–54. [in Russian]
15. Gadzhimuradova Z.M. Religioznoe samosoznanie molodezhi Severnogo Kavkaza v usloviyakh sovremennikh sotsialno-politicheskikh protsessov (na materiale issledovaniya studentcheskoi molodezhi Dagestana i Chechni) [Religious self-awareness among young people in the North Caucasus in the context of contemporary socio-political processes (based on research among students in Dagestan and Chechnya)] / Z.M. Gadzhimuradova, Zh.T. Kurbanova, Sh.G. Shabanova // Izvestiya DGPU seriya «Psikhologo-pedagogicheskie nauki» [Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University, series 'Psychological and Pedagogical Sciences']. — 2018. — Vol. 12. — № 1. — P. 5–11. [in Russian]
16. Bobrovnikov V.O. «Vakhkhabiti» Severnogo Kavkaza//Islam na territorii bivshei Rossiiskoi Imperii: Entsiklopedicheskii slovar [‘Wahhabism’ of the North Caucasus // Islam in the Territory of the Former Russian Empire: Encyclopedic Dictionary] / V.O. Bobrovnikov, A.A. Yarlikapov; compiled and edited by S.M. Prozorov. — Moscow: Eastern Literature, 1998. — P. 19–91. [in Russian]
17. Islam. Entsiklopedicheskii slovar [Islam. Encyclopaedic Dictionary]. — Moscow: Nauka, 1991. — P. 51, 160–170. [in Russian]
18. Gadzhiev R.G. Vakhkhabizm: osobennosti yego proyavleniya na Severnom Kavkaze [Wahhabism: Characteristics of its Manifestation in the North Caucasus] / R.G. Gadzhiev. — Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2002. — P. 167. [in Russian]
19. Khuber Sh. Shkala tsentralnosti religioznosti (SRS) [Religious Centrality Scale (RCS)] / Sh. Khuber, O.V. Khuber // Sotsiologiya: metodologiya, metodi, matematicheskoe modelirovanie [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling]. — 2018. — № 47. — P. 144–171. [in Russian]
20. Chupanova A.Ch. Pravosoznanie molodezhi: teoretiko-regionalnii aspekt (na materialakh Respubliki Dagestan) [Legal awareness among young people: theoretical and regional aspects (based on materials from the Republic of Dagestan)]: diss. ... PhD in Legal Sciences / Chupanova Anzhela Chupanovna. — Makhachkala, 2005. — P. 117–118. [in Russian]
21. Yakhyaev M.Ya. Fanatizm i islam [Fanaticism and Islam] / M.Ya. Yakhyaev. — Makhachkala: Lotos, 2010. — 128 p. [in Russian]